

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

Юбилейный сборник Московской Духовной Академии

Протоиерей Вадим СМИРНОВ

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ И МОСКОВСКИЕ ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ

Московская Духовная Академия переступила ныне порог своего 300-летнего бытия. Позади несколько исторических этапов, отмеченных замечательными достижениями в духовном образовании и просвещении. И на каждом этапе ее исторического пути Господь промыслительно воздвигал великих мужей слова и дела, светочей учения и жизни, просвещения и благочестия, имена которых стали украшением и славой знаменитой ныне Академии «У Троицы».

Одним из таких столпов Московских Духовных школ в эпоху их возрождения в нашем XX веке является Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий, безграничной любовью и ревностными трудами которого озарена целая четверть века существования возрожденных Духовных школ Русской Православной Церкви.

В преддверии возрождения

Одной из замечательных вех в истории Русской Православной Церкви середины XX столетия, несомненно, стало возрождение духовно-учебных заведений. Промыслителю Богу угодно было, чтобы в лоне нашей Церкви вновь насадился священный вертоград, которому надлежало стать духовным рассадником пастырства для необозримой нивы Христовой на древней земле Святой Руси и за ее пределами.

Еще не отгремели грозные орудия Великой Отечественной войны, еще не был избран на Московский Патриарший престол новый Первосвященитель, как уже была заложена основа к открытию в нашей столице Духовных школ. После известного приема 4 сентября 1943 года в Кремле Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Московского и Коломенского Сергия, митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия и митрополита Киевского и Галицкого Николая «вместе с вопросом о Церковном Соборе, избрании Патриарха и учреждении при нем Синода Правительство сочувственно отнеслось к предположениям об учреждении богословских школ для подготовки образованных кандидатов священства»¹.

Претворение в жизнь решения о возрождении Духовных учебных заведений в Москве началось осенью 1943 года, после вступления на Патриарший престол его Местоблюстителя — Митрополита Сергия (Страгородского; † 1944). Святейший Патриарх Сергий поручил Саратовскому архиепископу Григорию (Чукову; † 1955) составить проект организации духовно-учебных заведений среднего и высшего типа, что было в кратчайшее время выполнено и представлено в Священный Синод, который одобрил данный проект на одном из своих заседаний во второй половине октября 1943 года.

Открытие Православно-богословского института и Богословско-пастырских курсов в Москве состоялось в следующем году, 14 июня 1944 года. Одна из древнейших московских святынь — Новодевичий монастырь становится первоначальным кровом и пристанищем для возрожденных Духовных школ.

Однако Святейшего Патриарха Сергия уже не было в живых († 15 мая 1944 г.): Господь призвал его душу, можно сказать, накануне этого праздника школ, но плоды неутомимой деятельности почившего Предстоятеля нашей Церкви были налицо, посеянное им на поле духовного просвещения должно было принести обильную жатву. Поистине велика заслуга приснопамятного Первосвященителя в идейном формировании грядущих к открытию богословских школ².

Здесь справедливо будет изречение: «Один сеет, а другой жнет», «так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут» (Ин. 4, 36—37). Достоинейшим продолжателем на поприще этого высокого служения в целом и в деле устроения рассадника пастырей нашей Церкви, в частности, стал ближайший сподвижник покойного Патриарха — митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский), сначала вступивший в права Местоблюстителя Патриаршего престола, а затем, 2 февраля 1945 года, избранный Патриархом Московским и всея Руси.

Века истории

Как же рождались новые Духовные школы в Москве?

7 и 9 июня 1944 года состоялось два заседания общего собрания Советов Православного Богословского Института и Богословско-пастырских курсов под председательством проректора профессора С. В. Савинского (магистра богословия Киевской Духовной Академии), назначенного на эту должность Священным Синодом 2 февраля 1944 года.

В ученую корпорацию Духовных школ Москвы к моменту их открытия стали входить, кроме проректора, протонерей Н. Ф. Колчицкий, протонерей Т. Д. Попов, протонерей А. И. Расторгуев, протонерей В. В. Минкевич, священник С. Г. Молошников, Б. В. Вадковский, А. В. Ведерников, А. И. Георгиевский, Н. П. Доктусов, Н. И. Муравьев³; большинство из них — выпускники бывших Духовных Академий.

Наступил незабываемый исторический день открытия Московских Духовных учебных заведений. Достопамятное торжество возглавил Митрополит Алексий. Перед совершением молебна Патриарший Местоблюститель произнес глубокосодержательное и очень емкое слово, объективное в оценке наследия прежних Духовных школ и основополагающее для жизнедеятельности возрожденных. «Прежняя духовная школа, — говорил Митрополит Алексий, — была школой серьезной, глубокой, строгой, а в иных случаях и суровой школой. Добрая ей память, честь и слава! Из нее вышел целый сонм святителей, пастырей, ученых богословов, скромных, но трудолюбивых работников на всех поприщах церковной, государственной и общественной деятельности... Слабой стороной прежней духовной школы было то, что она имела двойственную задачу. Это была школа сословная, она имела задачей дать возможность духовенству, сословию в общем бедному, на льготных началах давать воспитание и образование своим детям; другой задачей ее было создавать кадры будущих священнослужителей... И получалось, что наши Духовные школы носили полусветский характер, который отражался на всем строе — и учебном, и воспитательном.

Теперь же не так должно быть и не так будет. Сословий у нас нет, нет и духовного сословия... и потому те, кто поступают в наши духовно-учебные школы, поступят в них не подневольно, а следуя влечению своему послужить Святой Церкви в священном сане. Весь строй этих школ должен быть строго церковным, без всякого уклонения в сторону мирского, светского уклада, и все питомцы нашей школы должны будут ему подчиняться»⁴.

Благословляя новую школу иконой «Явления Божией Матери Преподобному Сергию», Митрополит Алексий, сам бывший выпускником прежней Московской Духовной Академии (1904 г.), в таких словах выразил ей свои пожелания: «Да будет она премирницей по духу и силе Московской Духовной Академии, которая создавалась и процветала под кровом и благословением Преподобного и богоносного отца нашего Сергия... да будет благодатный дух Московской Духовной Академии сугуб в Московском Богословском Институте, как дух пророка ИлиИ сугуб явился в ученике его, пророке Елсее»⁵.

После молебна Митрополит Алексий, давая крест, окроплял святой водой педагогов и студентов. Тогда же были освящены помещения Института. Затем состоялся торжественный акт, на котором вновь выступил Патриарший Местоблюститель и другие из иерархов, руководства Института и первого набора студентов.

Живо и трогательно в своей речи на заседании Совета Академии в 1949 г. вспоминал этот священный день возрождения Духовных школ в Москве их первый ректор профессор протонерей Тихон Попов: «Солнечный июньский день. Лопухинский корпус Московского Новодевичьего монастыря. Молитва Господнну жатвы, «да изведет Он жателей на ниву Свою». Местоблюститель патриаршего престола, а теперь Святейший Патриарх Алексий своим первосвятительским словом о «духовной мудрости» по богооткровенному учению святого апостола Иакова, Предстоятеля Иерусалимской Церкви апостольских времен, открывает первую страницу истории новой, возрожденной православно-богословской школы... Она еще не. Семинария и не Акаде-

мня, а Богословский Институт. Лицо и путь ее вперед. Она лишь обвеяна в молитвах Первосвященителя... Дивен Бог во святых Своих! Услышана молитва нашего Первосвященителя об излиянии сугубой благодати на возрожденную богословскую школу...»⁶.

Так 14 июня, в день памяти святого мученика Иустина Философа, состоялось возрождение Московских Духовных школ, и этот знаменательный день навсегда вошел в летопись их бытия.

Занятия начались на следующий день, 15 июня, по одобренным общим собранием Советов Института и курсов программам, которые были составлены преподавателями по соответствующим предметам. 28 августа 1944 г. Священный Синод назначил ректором Богословского Института профессора протоиерея Т. Д. Попова⁷.

По постановлению малого Совета Института от 19 октября 1944 г. при нем был учрежден Ученый Совет и принято соответствующее Положение о нем⁸.

Согласно ведомостям за 1-е учебное полугодие, первый набор Института насчитывал 17 студентов, а Богословско-пастырских курсов — 15 учащихся.

В следующем учебном году, который начался 1 ноября 1945 года, было принято 74 человека. К тому времени Московской Патриархии для нужд Богословского Института была передана Успенская церковь в Новодевичьем монастыре с прилежащими к ней помещениями, что позволило увеличить контингент учащихся школы. Соответственно пополнился и состав профессоров и преподавателей, в который стали входить три профессора — магистра богословия, одиннадцать доцентов — кандидатов богословия, словесных и филологических наук и один преподаватель⁹. Архипастыри Русской Церкви, получив сообщение об открытии Духовных учебных заведений в Москве, стали отзываться на это отрадное событие не только словесными приветствиями, но и материальной помощью, отчисляя на нужды школы определенные суммы из епархиального бюджета или посылая различные вещественные вклады, необходимые для их учебной деятельности. Например, за счет подобных пожертвований значительно вырос фонд библиотеки Института — этой «кладовой богословских знаний», без которой немыслима научная деятельность духовного заведения. Здесь следует назвать ревностного почитателя тогдашней библиотеки — епископа Рязанского Димитрия (Градусова; † 1956), заботами которого она обогатилась огромным количеством книг богословского и религиозно-нравственного содержания — почти 9 тысяч единиц¹⁰.

Процесс становления возрожденных школ Москвы длился несколько лет. Это был путь искания форм, в которые должна была облечься деятельность образцового богословско-пастырского училища. Претворяя в жизнь основополагающие мысли, высказанные Патриаршим Местоблюстителем 14 июня 1944 года, руководство Духовных школ занялось внедрением не отвлеченной учености, а просвещенного благочестия и пастырского духа¹¹. Успеху и реализации этих предначертаний могла существенно способствовать близость питомцев к Дому молитвы — храму Божию, что стало возможным с передачей Институту упомянутой Успенской церкви: «То, что составляет самое важное в Духовной школе, связь учащихся с храмом и богослужением, теперь у нас имеется, — отмечал в своем слове на выпускном акте Института 30 июня 1946 года Святейший Патриарх Алексей. — Наши ученики могут ежедневно молиться в храме, участвовать в богослужениях пением, чтением и прислуживанием в алтаре»¹².

К третьему по счету учебному году (1946/47) в Духовных школах Москвы произошли важные преобразования: Московский Богословский Институт и Богословско-пастырские курсы согласно резолюции Патриарха от 31 августа 1946 года были преобразованы соответственно в Московскую Духовную Академию и Московскую Духовную Семинарию под руководством одной администрации. Сроки обучения как в Семинарии, так и в Академии были установлены по 4 года.

С преобразованием Богословского Института в Академию в ее задачу вошла «ученая деятельность, которая предполагает творческое участие каждого профессора и доцента в разработке наиболее существенных вопросов избранной ими специальности»¹³.

Исполняющим обязанности ректора Академии и Семинарии с началом учебного года был назначен профессор протоиерей Т. Д. Попов. Немного спустя вышел указ Святейшего Патриарха, который гласил:

«1. Принимая во внимание болезненное состояние и. о. ректора Московской Духовной Академии и Духовной Семинарии протоиерея Тихона Попова, Священный Синод при Патриархе Московском постановил освободить его от исполнения обязанностей ректора и настоятеля академического храма с оставлением его профессором нравственного богословия.

2. Ректором Московской Духовной Академии и Духовной Семинарии и настояте-

лем академического храма назначается инспектор Академии протоиерей Николай Чепурин...

3. Инспектором Московской Духовной Академии и Семинарии назначается проректор Духовной Академии С. В. Савинский.

4. Должность проректора упразднить»¹⁴.

Однако новому ректору суждено было проработать на этом ответственном посту лишь несколько месяцев: 7 февраля 1940 года протоиерей Николай Чепурин внезапно скончался, что доставило большую скорбь всей школьной семье. «За короткое время своего ректорского послушания, — отмечал заслуги почившего в надгробном слове Святейший Патриарх Алексий, — отец Николай совершил больше, чем многие могут сделать за долгие годы»¹⁵.

По окончании протоиерея Николая Чепурина девять месяцев обязанности ректора исполнял профессор протоиерей С. В. Савинский.

Одним из мероприятий в новом учебном году (1946/47) было проведение в жизнь разработанного «Положения об особом стипендиальном фонде» в целях поощрения и всемерной помощи учащимся дополнительно к общим стипендиям, что начало действовать с марта 1947 г.¹⁶

В январе 1947 г. при МДА была образована под председательством митрополита Крутицкого и Коломенского Николая Атгестационная комиссия, перед которой была поставлена задача на основании всех данных об образовании и опыте наставников утвердить их в соответствующем ученом звании.

21 января комиссией были признаны и утверждены из числа наставников МДА и МДС шесть профессоров, имевших ученую степень магистра богословия (за исключением И. Н. Шабатина, ученого специалиста-историка): протоиерей Николай Чепурин, С. В. Савинский, протоиерей Тихон Попов, протоиерей Вениамин Платонов, протоиерей Дмитрий Боголюбов; пять доцентов, имевших ученую степень кандидата богословия: В. С. Вертоградов, священник Александр Ветелев, Н. П. Доктусов, архимандрит Вениамин (Милов), Н. И. Муравьев; два доцента со степенью кандидата словесных наук: А. В. Ведерников и А. И. Георгиевский.

Конец учебного 1946/47 года Академия памятен был присуждением за представленные диссертации ученой степени доктора церковной истории профессору протоиерею В. М. Верюжскому и магистра богословия — доценту В. С. Вертоградову, что явилось наглядным свидетельством возобновления славных традиций нашей высшей Духовной школы.

Кроме того, конец третьего по счету учебного года ознаменовался первым выпуском Семинарии. Среди 18 воспитанников 4-го класса, окончивших полный семинарский курс, мы видим будущих преподавателей Академии и иерархов нашей Церкви, таких, как Константин Нечаев (ныне доктор богословия профессор МДА архиепископ Волоколамский Питирим), Павел Голубцов (впоследствии архиепископ Новгородский и Старорусский Сергий; † 1982).

Следующий 1947/48 учебный год начался 1 октября в составе 188 учащихся (в семинарии 164 человека, в академии 24). Профессорско-преподавательская корпорация насчитывала 18 человек (семь профессоров, шесть доцентов, остальные — преподаватели). Наряду с деятельностью Ученого Совета проходили заседания Правления Академии и Семинарии, ведавшего хозяйственными вопросами Духовных школ.

Постановлением Священного Синода от 28 октября 1947 года по предложению Святейшего Патриарха Алексия ректором Московских Духовных Академий и Семинарий назначен Препосвященный епископ Казанский Гермоген (Кожин), магистр богословия, который приступил к своим обязанностям 14 ноября¹⁷. Епископ Гермоген состоял ректором до 1949 года, а после него в период первосвятительства Святейшего Патриарха Алексия ректорами были протоиерей А. П. Смирнов (1949—1950), протоиерей К. И. Ружицкий (1951—1964), епископ (ныне митрополит Киевский и Галицкий, Патриарший Экзарх Украины) Филарет (Денисенко) (1964—1966) и епископ (ныне митрополит Минский и Белорусский, председатель Отдела внешних церковных сношений) Филарет (Вахромеев) (1966—1973).

Академия и Семинария «У Троицы»

Назначение ректором епископа Гермогена совпало с новым рубежом в истории Московских Духовных учебных заведений — передачей Московской Патриархии бывших зданий прежней Московской Духовной Академии в Загорске, в Троице-Сергиевой Лавре, для нужд этих школ. 11 декабря 1947 г. Препосвященный ректор докладывал Священному Синоду и Святейшему Патриарху о состоявшейся передаче здания¹⁸.

В связи с этим мероприятием ректору поручено было возглавить специальную комиссию по ремонту здания для подготовки и приспособления его к учебным целям.

В октябре 1948 г. архимандрит Веннамин (Миллов) совершил освящение здания Академии, так называемых «Чертогов», а 19 октября там начались занятия. Спустя несколько дней (23 октября) Святейший Патриарх Алексей впервые посетил Московские Духовные школы в Лавре, а в декабре возглавил первый годичный акт в Академии.

Так мудрыми заботами Патриарха Русской Церкви Московская Духовная Академия вернулась под свой родной кров — в Лавру Преподобного Сергия, чтобы под его благодатным Небесным покровительством воспитывать здесь делателей вертограда Христова. «Залогом успехов да будет молитвенный покров святого игумена и Небесного заступника нашего пред Богом, Преподобного Сергия, — писал впоследствии Святейший Патриарх Алексей ректору, — к предстательству которого с верою да прибегают имеющие счастье быть насельниками его великой Лавры будущие пастыри, служители богословской науки и благоговейные работники на ниве церковной»¹⁹.

Нельзя сказать, что перевод богословской школы из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру осуществился непредвиденно для возродителя Московской Духовной Академии Святейшего Патриарха Алексея. С самого открытия ее в Новодевичьем монастыре он жил мыслью и надеждой на возвращение школы под сень «Сергиевой Троицы» и даже убежденно говорил об этом. Вот как свидетельствует по данному поводу выпускник нашей Академии епископ Белгород-Днестровский (ныне митрополит Ленинградский и Новгородский) Антоний (Мельников): «Мне довелось с первых дней учиться в возрожденной школе. Я хорошо помню день 14 июня 1944 года в Москве; в стенах Новодевичьего монастыря Московский Первосвятитель Митрополит Алексей совершил молебен перед началом занятий. Патриарший Местоблюститель благословил Московскую Духовную школу образом «Явления Божией Матери Преподобному Сергию» и сказал: «Я верю, что молитвами Божией Матери и предстательством Преподобного Сергия Московская Духовная Академия возвратится в свое историческое место — в стены Лавры и будет продолжать славную традицию прежней Академии». И вот сегодня мы видим исполнение пророческих слов нашего Святейшего Патриарха»²⁰.

Дальновидность и мудрость Первоиерарха Русской Церкви оправдались: возращенные под священную сень Дома Животворящей Троицы Академия и Семинария продолжали расти и процветать непосредственно уже под благодатным воздействием этой святой обители; один из осязаемых плодов ее духовного влияния на школы можно видеть в том замечательном явлении, что многие из учащихся избрали и стали на путь самоотверженного монашеского служения Церкви, поступая в Троице-Сергиев монастырь, так что со временем они даже стали составлять большую часть братии этой обители.

Едва ли можно отыскать какую-либо из разнообразных сфер жизни и трудов Московских Духовных школ, оставшуюся без отеческого внимания Святейшего Владыки.

Постараемся в основных чертах осветить всестороннюю заботу Святейшего Патриарха Алексея о Духовных школах Москвы за четверть века их существования.

Вопросы кадров и воспитания

Проблема педагогических кадров для Духовных школ, особенно с их возрождением, стояла очень остро. Святейшему Патриарху Алексею приходилось вникать в повседневные нужды школы, в неотложную задачу формирования преподавательской корпорации. Благодаря его попечительности, «год от года росли ряды духовных педагогов. Каждое приглашение внимательно обсуждалось с личным участием Патриарха»²¹. И в последующие годы, когда Ученым Советом Академии и Семинарии рассматривалось прошение того или иного кандидата на вакантное место, Святейший Владыка, если личность просителя ему была неизвестна, запрашивал сведения о нем. При необходимости разрешения какого-либо вопроса учебного порядка Святейший Патриарх, как это видно из его писем и резолюций, вызывал к себе тех или иных членов Ученого Совета Академии²².

Не менее важен был вопрос относительно приема в Духовную школу новых учеников. Святейший Патриарх Алексей предписывал ее руководителям в этом случае быть чрезвычайно внимательными и осматрительными. Так, в телеграмме Святейшего Патриарха по случаю нового, 1953/54 учебного года говорится: «Божие благословение началу трудов нового учебного года. Рекомендую при приеме особое внимание, осторожность, бдительность, предвидение. Патриарх Алексей»²³.

Строгость и тщательность отбора поступающих в Духовное учебное заведение вполне себя оправдывали, так как отчисления в течение учебных лет из состава учащихся были незначительными. «Святейший Патриарх нацелил нас, труженников духовной школы,— свидетельствовал профессор И. Н. Шабатин,— во-первых, на то, чтобы избежать приема тех, кто был заведомо канонически неспособен к принятию в будущем священного сана... а во-вторых, на то, чтобы воспитанники с первого же времени пребывания в Духовной школе сознательно готовились именно к трудам в священном сане»²⁴.

Делу воспитания будущих пастырей Церкви Христовой Святейший Патриарх Алексий придавал первенствующее значение в общем объеме трудов наставников наших Духовных школ. Ученый Совет Академии и Семинарии на заседании 24 октября 1947 г. должен был по рекомендации Патриарха специально заняться определением принципов воспитательной работы в Духовной школе и вынес особое постановление по этому поводу: «В новой Духовной школе задачи воспитания будущих пастырей должны пронизывать собою и подчинить себе всю нашу образовательную систему... в основе последней необходимо видеть не механическое усвоение богословских наук одной памятью, не стремление к учености, к образованию одного ума наших учащихся, а развитие в них внутренних сил в духе благочестия... Христианство есть прежде всего жизнь, а не система знаний... «Истина,— говорит епископ Феофан,— пока не вошла в сердце, есть то же, что пыль на полпраной доске. Повеет ветер, и все снесет»»²⁵. Внимательно ознакомившись с изложенными Ученым Советом основами духовного воспитания учащихся, Святейший Владыка целиком одобрил их, что видно из его резолюции на данном журнале: «1947, октябрь 29. Пункт 1. Совершенно согласен».

Тогда же «в целях усиления воспитательной работы введен был институт классов воспитателей и каждый класс был прикреплен к определенному преподавателю, который путем непосредственных бесед, частых посещений учащихся своего класса в вечерние часы входил в нужды класса, разрешал разные их вопросы и недоразумения и своим влиянием поддерживал то молитвенное настроение, которое составляло основную линию поведения большинства учащихся, старательно посещавших уроки, ревностно записывавших объяснения преподавателей и неуклонно посещавших церковные службы своего храма»²⁶.

Святейший Патриарх положительно отозвался на эту инициативу Ученого Совета и своей резолюцией утвердил постановление его по данному вопросу.

Духовная школа представляет собой большой и весьма сложный организм. Каждый ее воспитанник — это неповторимый мир внутренних переживаний и настроений, индивидуальных ощущений и запросов. Сколько же надо наставникам иметь опыта и такта, объективности и педагогичности, чтобы из юных питомцев вырастить достойных и верных служителей алтаря Господня! Святейший Патриарх не пропускал без внимания ни одного решения воспитателей Духовных школ и, если требовало дело, реагировал на него непременно²⁷.

Законная строгость неизменно сочеталась у Его Святейшества с отеческой рассудительностью и милостью. Например, когда Совет решил исключить одного из воспитанников за нарушение дисциплины, резолюция Патриарха Алексия гласила: «1950, январь 2. Читал ст. 4. Я бы предложил с согласия о. ректора заменить воспитаннику 2-го класса семинарии К-ну увольнение — строгим предупреждением и поручить его особому вниманию инспекции»²⁸.

Но если проступки учащихся касались храмовой дисциплины, то Святейший Патриарх в своих резолюциях оставался тверд и принципиален и требовал от Совета в случае мягкости и несоответствия налагаемых взысканий пересмотра наказания со всей строгостью. Так, воспитаннику 4-го класса Р. за непристойный поступок в храме был поставлен по поведению балл 5—. При просмотре Журнала заседания Совета Святейший Патриарх не утвердил это постановление, потребовав понизить оценку поведения нарушителя ввиду важности отношения учащихся к святому храму, и Совет снизил ученику балл по дисциплине до 4²⁹.

Или другой пример. Иеродиакон И. в некорректной форме отказался сослужить инспектору Духовных школ за литургией. Совет постановил: снизить ему балл по поведению, сделать строгий выговор с предупреждением, на что Патриарх Алексий наложил резолюцию: «1950, ноябрь 19... По ст. XIX — поступок иеродиакона И. как монаха особенно тяжел. Правление отнеслось к нему более чем милостиво. Надо обратить особое внимание на него в дальнейшем и подумать о том, насколько его пребывание в стенах школы желательно и полезно для прочих учащихся ввиду его нетерпимого, с точки зрения дисциплины, нрава»³⁰.

Особенно категорично звучали рекомендации Святейшего Патриарха о мерах против нарушений духовно-нравственной дисциплины, не оставляющих надежд на исправление: «По отношению к ученикам неисправным, — читаем мы в патриаршей резолюции от 13 января 1947 г., — а тем более с порочными наклонностями следует принимать самые решительные меры до исключения их из числа учеников, дабы не засорялась нива, только что врученная нам для возделывания»³¹.

Из приведенных фактов можно убедиться, как пристально наблюдал Святейший Владыка за воспитательной работой подопечных ему Духовных учебных заведений, считая ее одним из ведущих факторов в столь ответственной их миссии, как духовное формирование будущих служителей Церкви Божией.

Подготовка ставленников

Исключительно серьезное значение придавал Святейший Патриарх Алексей делу подготовки к рукоположению ставленников во диакона или священника. Неспешность в выводах, духовная рассудительность, пастырская опытность и чувство высокой ответственности — вот чем должны руководствоваться наставники при рассмотрении прошений учащихся школ об их рукоположении.

Тяжкие проступки, допущенные отдельными учащимися после их хиротонии, настораживали не только администрацию Академии и Семинарии, но и Патриарха, который всегда озабоченно реагировал на случившиеся отступления от норм поведения обреченных в священный сан питомцев, ставя Совету Академии на вид недостаточную требовательность наставников к кандидатам во священство и особенно поспешность в удовлетворении их прошений. «Не является ли, — писал он по поводу одного эксцесса, — этот прискорбный случай укором тем, кто характеризовал Ч. как человека, достойного рукоположения в священный сан, а также предупреждением и предостережением при рекомендации и ходатайстве о включении в клир церковный учеников Семинарии и студентов Академии?»³²

А однажды этот важный вопрос о подготовленности ставленников побудил Святейшего Владыку вплотную заняться его решением и сделать специальные распоряжения или полной неподготовленности кандидатов к хиротонии. — В. С.), я нахожу необходимым создать особую комиссию для проверки, — писал Патриарх Алексей в своей резолюции, — насколько представляемые к рукоположению являются к этому готовыми как со стороны нравственной, так и в отношении знания Церковного Устава и хотя бы элементарных познаний в области предстоящей им многосторонней пастырской деятельности. В состав этой комиссии назначаю наместника Лавры архимандрита (ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси) Пимена, духовника воспитанников Московской Духовной Академии и Семинарии архимандрита Иосифа и доцента Московской Духовной Академии священника Константина Нечаева»³³ (ныне архиепископ Волоколамский Питирим).

Из процитированных слов Святейшего Патриарха видно, как волновали его вопросы подготовки в Духовных школах будущих пастырей Церкви Христовой. Об особой его отеческой любви, архипастырской попечительности над Академией и Семинарией, о непосредственных его трудах в этом училище пастырства свидетельствует то, что немало питомцев и наставников удостоились принятия священных степеней через возложение его первосвященительских рук в таинстве Священства, и что примечательно — бесконечный ряд хиротоний за более чем полувековой период его архиерейства завершился рукоположением им одного из студентов Академии в 1967 г. Или вот еще одно свидетельство. В 1969 г. состоялся очередной выпуск Академии, замечательный тем, что все его студенты (IV курса) имели священный сан. Святейший Отец, всегда внимательно следивший за успехами и жизнью Академии и Семинарии, с отрадой отметил это событие: «Призываю Божие благословение на начало самостоятельных трудов молодых пастырей Святой Церкви, направляющихся на многотрудное, но святое и высокое пастырское служение... — писал он в своей резолюции. — Мне известно, что в этом году все студенты IV курса Духовной Академии уже в священном сане. Это радостное явление для Святой Церкви и для Духовных школ. 12 июня 1969 г. Патриарх Алексей»³⁴.

Учебный процесс

Постановка учебного дела в Духовных Академии и Семинарии постоянно оставалась в поле зрения Святейшего Патриарха, что прослеживается на протяжении всех лет его первосвященительского служения. Имея богатый опыт возглавления духов-

ных учебных заведений прежнего, еще синодального времени, знакомый ближайшим образом со структурой тогдашних Семинарий и Академий, Святейший Патриарх Алексий, как создатель новых Духовных школ, ставит целью привить им лучшие черты и традиции пастырско-богословского наследия от прежних Духовных школ. Особенно в первые годы устройства Московских Духовных школ Святейший Патриарх непосредственным образом проводил необходимые для того мероприятия, вплоть до коренных реформ этих учебных заведений, как это мы уже видели, например, из преобразования в 1946 г. первоначальных Богословского Института и Богословско-пастырских курсов соответственно в Духовные Академии и Семинарии.

Состав преподаваемых дисциплин, учебные программы, методика преподавания, успеваемость питомцев, академический статус — вся учебная деятельность Московских Духовных школ в течение четверти века их существования находилась под постоянным наблюдением Патриарха Алексия.

Основополагающей директивой для Академии в вопросе о присуждении первой ученой степени явилась следующая его резолюция: «Степень кандидата богословия предполагает лицо, не только представившее удовлетворительное сочинение по одной из богословских дисциплин, но и сдавшее успешно испытание по всем прочим дисциплинам»³⁵.

Вот что узнаем мы из одного письма ректора Академии протоиерея Константина Ружижского Святейшему Патриарху Алексию о глубокой озабоченности Святейшего Владыки относительно того, чтобы преподаваемые в Духовных школах дисциплины получили святоотеческую направленность: «Тогда (в 1951 году. — В. С.) мною было Вам указано, что весьма желательно было бы придать названной науке святоотеческий характер и тем самым освободить существующие прежние учебники по нравственному богословию от западной схоластики»³⁶. Насколько близко к сердцу Святейший Патриарх Алексий принимал все нужды и интересы Академии и Семинарии, выходящая и разрешая каждую новую проблему, можно убедиться по его распоряжению от 23 августа 1948 г. «Совету Московских Духовных Академии и Семинарии. Ввиду предстоящего в наступающем учебном году перехода Духовной Академии и Семинарии в здание Московской Духовной Академии в Троицкой Лавре и необходимости подготовить помещения для общежития Академии и Семинарии в помещениях самой Лавры, нахожу возможным разрешить начать учебный год с 15 октября с. г., о чем Правление заблаговременно известит учеников и студентов. В связи с этим следует приемные испытания отсрочить на соответствующий срок. Патриарх Алексий»³⁷.

Ратуя за усвоение возрожденной Академией лучших достоинств прежней школы-предшественницы, Святейший Патриарх Алексий в 1951 г. утвердил положение, по которому выпускники Семинарии, окончившие ее по первому разряду (без балла «три»), имели право без экзаменов быть зачисленными на I курс Академии³⁸. Когда Совет Академии принял постановление об упразднении балльной системы оценок за курсовые сочинения (от 20 мая 1966 г.), Патриарх Алексий отменил его, считая его неосновательным ввиду важности «вековой практики (150 лет) академической — оценивать курсовые работы студентов баллами, и не иначе». «Посему, — говорится в его резолюции, — как по формальным основаниям, так и по существу эта статья не подлежит утверждению»³⁹.

Не было места равнодушию у Святейшего Патриарха при его ознакомлении с темами курсовых работ, выдвигаемыми членами Ученого Совета Академии. Каждая из них им тщательно, так сказать, взвешивалась и, если надо, подвергалась критике. К примеру, на странице 23-й Журнала Совета Академии № 4 от 30 декабря 1966 года некоторые из представленных тем по Священному Писанию Нового Завета подчеркнуты рукою Патриарха Алексия с пометкой: «Очень сложные темы». Некоторые темы Совет Академии снимал после конкретного указания многосведущего Первосвященителя на то, что на них уже написаны диссертации тем-то и тем-то.

Пройдя весь курс обучения в Московской Духовной Академии еще в начале XX века, зная ее направленность в богословских изысканиях, не свободную от ряда недостатков, Святейший Владыка, обращаясь к ученой корпорации возрожденных Духовных школ, признавал необходимым «давать студентам для разработки темы, наиболее близкие к жизни Церкви наших дней, практически полезные и посылные. Миновала эпоха схоластики — отвлеченных исследований, ничего не дающих ни автору, ни богословской науке»⁴⁰.

Результаты работ студентов по разработке выбранных ими тем приковывали внимание Патриарха Алексия, и он, несмотря на всю свою общецерковную занятость, несмотря на весь объем приложенных к Журналам Совета Академии отзывов профессоров и преподавателей на представленные курсовые сочинения, как правило, прочи-

тывал эти рецензии, с радостью отмечал наличие достижений выпускников Академии и выражал пожелания дальнейших успехов труженникам богословской школы.

Более того, Первосвятейтель находил время даже на прочтение отдельных кандидатских сочинений выпускников Академии⁴¹.

Следует сказать, что знакомство с рецензиями на курсовые работы не было у Его Святейшества формальным делом. Попробуй, вопросительные знаки, подчеркнутые строки на них говорят о весьма внимательном отношении Святейшего Патриарха к учебной деятельности Академии. Так, например, выявив полное отсутствие критического подхода в отзыве доцента А. П. Г-ва на сочинение студента IV курса архимандрита М., Святейший Владыка к заголовку рецензии приписал: «Вернее, изложение (а не отзыв. — В. С.) содержания сочинения студента архимандрита М.»⁴².

Небезынтересно здесь представить страничку из недавнего прошлого Академии, воспроизведенную профессором И. Н. Шабатиным: «Рассмотрев летом 1957 г. (в дни своего летнего отдыха!) всю громаду отзывов о кандидатских сочинениях, неутомимый Архипастырь отечественных архипастырей, помимо многих замечаний на полях рецензий, дал краткий, но примечательный отзыв о качестве самих рецензий. Он начал его словами: «Большой труд! Не мой, а рецензентов...», а затем указал на общие для многих рецензентов недостатки. Особенно «попало» мне за «редкую многоречивость» и моему коллеге, профессору А. И. Георгиевскому, — «за предельную лаконичность». На вопрос — что из этого лучше, Святейший автор ответил: «Думаю, что ни то, ни другое». Потом следовали конкретные указания о требованиях, предъявляемых к научно составляемым рецензиям, а в конце — слова, преисполненные подлинно отеческой любви к нам, недостойным: «Все сие, конечно, не в осуждение усердно потрудившихся»⁴³.

Научная деятельность

С еще большей внимательностью и требовательностью Святейший Патриарх Алексий вытывался в рецензии членов Совета на магистерские и докторские диссертации и очень тщательно следил за соответствием последних духу православного церковного учения. Когда, к примеру, рецензенты профессор протоиерей Александр Ветелев и доцент архимандрит Сергей (Голубцов) предложили диссертанту священнику Петру Гнедичу переработать его сочинение, представленное к защите на соискание степени магистра богословия, то Святейший Владыка по ознакомлении с отзывами наложил такую резолюцию: «1955. Мая 19. Совершенно согласен как с оценкой работы свящ. Гнедича, так и с теми предложениями, какие ему даются для коренной переработки его труда, без чего этот труд не может быть признан не только заслуживающим положительной оценки, но и православным по существу»⁴⁴.

После авторского исправления диссертация отца Петра Гнедича в 1962 г. была Советом Академии признана заслуживающей присуждения соискателю степени магистра богословия, на что незамедлительно последовало патриаршее утверждение.

«Святейший Патриарх Алексий, — свидетельствует ректор профессор протоиерей Константин Ружицкий, — и устно и письменно призывал и призывает наших труженников богословской науки быть на высоте хранения чистоты Православия, для возрождения «православного отеческого богословствования в наших Духовных школах», чтобы тем самым «освободиться от западной схоластики» и «преклонения перед германскими источниками» из «ложной боязни прослыть отсталыми». Патриарх Алексий неоднократно указывал, что наша православная богословская наука должна «опираться на творения святых отцов...»⁴⁵.

Со всей благожелательностью Его Святейшество относился и содействовал успехам научной деятельности Академии. Так, «он сам назначил и сам присутствовал на состоявшейся 4 марта 1954 года в Академии защите магистерской диссертации протоиереем церкви святого Иоанна Предтечи в Москве А. М. Державиным»⁴⁶. А в 1963 году Святейший Владыка дважды, 18 февраля и 3 октября, почтил своим присутствием заседания Московской Духовной Академии в связи с происходившими там защитами магистерских диссертаций соответственно протоиереем Николаем Никольским и протоиереем Алексием Остаповым.

Его Святейшество всегда выражал радость, когда слышал о намерении членов Совета Академии трудиться над избранными темами на соискание ученых степеней магистра или доктора. «Приятно отметить, — пишет он в своей резолюции от 10 января 1964 года, — что наши профессора и преподаватели, помимо сложной текущей работы по преподаванию, заняты еще и научным трудом и с успехом достигают ученых степеней. Сердечно желаю им в этом полезном и несомненно богоугодном деле помощи Божией и полного, заслуженного успеха»⁴⁷. Обладая обширной эрудицией,

Святейший Патриарх Алексий при просмотре представленных на утверждение Журналов Совета указывал неточности, с научной точки зрения, изложения материалов, исправлял ошибки пера и печати в них, а порою и стиля, отмечал недочеты в составлении Журналов, особенно в первые годы становления Духовных школ. Например, в патриаршей резолюции на Журнал Совета от 20 февраля 1949 года читаем: «По ст. 1 неправильно сформулировано постановление: к чтению лекций за отсутствующего преподавателя *допускается* лицо по представлению Совета, а не утверждается в должности»⁴⁸. А резолюцией на следующем номере Журнала поставил на вид его составителя отсутствие подписей: членов Совета.

Когда один из преподавателей в священном сане поставил свою подпись на Журнале, назвав себя отцом (О. Н. Н-кий»), Святейший Патриарх Алексий, прекрасно осведомленный в вопросах культуры, поведения и воспитания, сделал замечание относительно неправильной подписи: «Священник никогда не подписывается «о.», а «священник» или «протоиерей»»⁴⁹.

Об обширности знаний Его Святейшества, придававшей высокий авторитет всем его суждениям, замечаниям, свидетельствует такая деталь: в приложении к Журналу № 6 от 15 апреля 1967 года в докладе преподавателя иеромонаха Марка (Лозинского) «К 100-летию со дня смерти святителя Игнатия (Брянчанинова)» на 46-й странице к сообщению: «В дни пребывания в Петербурге монахиня Емilia посетила свою знакомую некую Татьяну Борисовну» Патриарх Алексий дописал неведомую автору ее фамилию: «Потёмкину».

Святейший Владыка с одобрением отзывался на различные духовно-просветительные мероприятия, проводимые в Московских Духовных школах в вечернее, свободное от занятий время, и всякий раз интересовался содержанием докладов на них. «Очень полезны и назидательны такие собрания в Академии. Это действительно добрая традиция», — писал он по поводу вечера, посвященного Оптиной пустыни⁵⁰.

На торжественных собраниях в Академии

Московские Духовные школы, являясь любимым детищем Святейшего Патриарха Алексия, всегда чувствовали его отечески сердечное отношение к себе, между ними и Предстоятелем Русской Церкви никогда не было сухой официальности в отношениях и общении. Для Великого Господина и Отца Московская Духовная Академия представлялась чем-то очень родным и близким, что видно из его многочисленных частых посещений этого училища пастырства, из его участия в академических, особенно юбилейных, торжествах.

Ежегодно со времени открытия Московских Духовных школ академические торжества возглавлялись Его Святейшеством, что нередко отражалось в официальной печати Русской Православной Церкви. Это были незабываемые дни для Академии и Семинарии, для их питомцев и наставников. И сам Святейший Отец с большой отрадой разделял праздничные чувства, переполнявшие сердца всех участников академических торжеств. В своих выступлениях он выражал глубокое удовлетворение успехами и направленностью учебно-воспитательной и научно-богословской деятельности школы.

Так, 14 октября 1954 года в своем приветствии Святейший Патриарх Алексий отмечал: «Приятно было, присутствуя на годовом акте наших Духовных школ, видеть их духовный рост»⁵¹. Или в книге почетных посетителей Академии в записи от 14 октября 1956 года читаем: «Жизнь в нашей Духовной школе протекает не только нормально и в соответствии с высокими задачами Духовной школы, но и в высокой степени духовной настроенности. Честь и слава нашим усердным руководителям Академии и Семинарии и благословение Божие всему составу учащихся и учащих. Алексий, Патриарх Московский»⁵².

Самой значительной вехой в жизни возрожденной Духовной школы за обозреваемый период стало торжественное празднование 150-летия пребывания Московской Духовной Академии в Лавре Преподобного Сергия. В праздник Покрова Божией Матери, 14 октября 1964 года, Святейший Патриарх возглавил этот исторический акт, собравший в знаменитые «Чертоги» очень представительную аудиторию из церковных деятелей не только православного мира, но и других христианских конфессий. Это был своего рода смотр славных достижений Духовной школы в ее новом, возрожденном облике и вместе с тем признание в целом выдающихся заслуг прошлого и настоящего делания Академии под сенью Троице-Сергиевой Лавры, что отмечалось Святейшим Владыкой в слове перед молебном в академическом храме и на самом акте.

Речь Его Святейшества на юбилейном акте чрезвычайно содержательна и глубоко осмысленна в ретроспективной оценке знаменитой Академии «У Троицы». В устах Первосвятителя Русской Церкви и вместе старейшего питомца Московской Духовной Академии отдельные выражения имели большую историческую значимость: «Достоинно и праведно это празднование нашей богословской школы, овеянной уважением и любовью целого сонма ее учеников — и бывших, и настоящих, — также и потому, что этот праздник — одновременно и торжество нашей Церкви, радующейся о своем верном чаде, проявившем свою верность на протяжении полутора веков...

Прошли многие годы, отделяющие наше время от давней поры рождения этой нашей школы, и тени великого прошлого Московской Духовной Академии оживают перед нами с особенной яркостью. Какое богатство церковных сил, высокого научного труда, благородных характеров, самоотверженной преданности Академии и служения ей!.. Какие светильники веры и служители Церкви!

...Поистине, можно сказать, наша Академия благодатно приобщилась благословению Матери Божией, простертому над Преподобным Сергием и его обителью. И знамение этого благодатного общения является храм академический, это святилище Таин Божиих, устроенное в этом жилище знаний в начале 70-х годов прошлого столетия и освященное в честь Покрова Царицы Небесной»⁵³.

На юбилейном акте с поздравлением Академии выступил Верховный Патриарх и Католикос всех армян Васкен I и преподнес в дар ей изображение эчмиадзинского кафедрального собора. Далее произнесены были приветствия ряда почетных гостей, в том числе зарубежных. Это было всеобщее утверждение авторитета Московской Духовной Академии, далеко выходящего за пределы богословской школы, да и всей Русской Православной Церкви. «Она (Академия. — В. С.) всегда привлекала и в настоящее время привлекает внимание и восхищение всего христианского мира и особенно православного, — свидетельствовал в своем выступлении на акте бывший ее питомец и выпускник архимандрит Алексий (Абдель-Карим), настоятель Антиохийского подворья в Москве (ныне митрополит Эмесский; Антиохийский Патриархат), — она давала много духовно-просвещенных пастырей, усердных, ревностных и благоговейных работников на ниве Христовой не только своей Церкви Русской, но и другим Православным Церквям, в том числе и нашей Церкви Антиохийской»⁵⁴.

Как бы развивая далее эту мысль и оценку общецерковных заслуг Академии, выступивший с заключительным словом ректор Московских Духовных школ профессор протоиерей Константин Ружицкий подчеркнул межправославное значение нашей высшей Духовной школы: «В настоящее время наша Академия несет большие труды, можно сказать, труды всемирного значения, а особенно за последние десять лет, когда Московскую Академию посетило около 700 разных зарубежных делегаций, когда представители Московской Академии побывали во многих странах...»⁵⁵.

В Московской Духовной Академии неоднократно проводились крупные форумы в защиту мира, ярко свидетельствующие о ее служении благородному делу укрепления дружбы и братства между народами. По инициативе Святейшего Патриарха Алексия в актовом зале Академии в 1952 г. состоялась Конференция всех Церквей и религиозных объединений СССР для обсуждения вопроса о совместной работе в защиту мира. Спустя 10 лет, в 1962 г., по его же инициативе здесь проходила встреча религиозных деятелей — участников Всемирного Конгресса за всеобщее разоружение и мир (350 человек).

Крупные юбилеи как всей Русской Церкви (50-летие восстановления патриаршества), так и связанные с жизнью и деятельностью ее Предстоятеля — Патриарха Алексия (85-летие со дня его рождения, 50-летие архиерейского служения) по его желанию и благословению проводились в Московской Духовной Академии, что составляло для нее высокую честь и большую радость, ибо это было знаком особой любви и самого сердечного отношения к ней выдающегося Первоиерарха нашей Церкви. В чувстве благодарности Московские Духовные школы со своей стороны старались выразить ответную сыновнюю любовь к Его Святейшеству в усердных трудах по достойному проведению юбилейных торжеств — в научных докладах, в прекрасно оформленных выставках, а также в хоровых концертах, великолепно подготовленных учащимися и преподавателями.

На экзаменах, выпусках, памятных вечерах

Участием Святейшего Патриарха Алексия в торжествах, проводимых в родной ему Московской Духовной Академии, отнюдь не исчерпывается непосредственная связь между ними. Помимо официальных визитов в Академию, Святейший Владыка

многократно посещал ее, так сказать, в частном, неофициальном порядке. У питомцев Московских Духовных школ навсегда остались в памяти посещения их Его Святейшеством во время уроков, экзаменов и выпускных дней. Вот как сообщается об одном из таких посещений в годовом отчете Академии и Семинарии за 1953/54 учебный год: «25 января 1954 года Его Святейшество в сопровождении наместника Лавры архимандрита Пимена (Хмелевского) весьма скромно прибыл к учебным занятиям и весь учебный день провел в посещении их, давал методические советы преподавателям, сам спрашивал учеников и радовался разумным ответам. Он уехал, поблагодарив преподавателей и учащихся за хорошие успехи»⁵⁶.

Наиболее душевный характер носили филаретовские вечера, ежегодно проводимые в Академии 14 декабря, в день тезоименитства выдающегося деятеля Русской Православной Церкви митрополита Московского Филарета (Дроздова; †1867), большим почитателем которого был сам Святейший Патриарх Алексий. Начало вечерам он положил в 1951 г. Это были не торжественные акты и не ученые заседания, но вечера доброй и живой памяти о знаменитом архипастыре, ученом богослове, истинном христианине и замечательном человеке. «Характер и стиль филаретовских вечеров создал Святейший Владыка, вначале — это были его беседы, живые слова о митрополите Филарете. Незабываемы, глубоки, всегда новы эти патриаршие рассказы, из которых перед каждым присутствовавшим в этом зале вырисовывался величавый, живой и всегда назидающий облик митрополита Филарета»⁵⁷. По окончании филаретовского вечера, после ужина, Святейший Владыка обыкновенно вместе со всей академической семьей молился в храме во время чтения вечернего правила, слушал проповедь очередного учащегося и в конце преподавал благословение каждому из присутствовавших.

Отметим также, что исторической стала речь Святейшего Патриарха Алексия в Московской Духовной Академии на чтении о церковном пении в 1948 г. В ней дан глубокий и трезвый анализ современного состояния церковного пения в наших храмах. Это был голос беспокойства о судьбе подлинного церковного пения в его истинно древних духовных традициях, вытесняемого ныне недуховным направлением. «Мы должны сделать всё возможное для того, — призывает Святейший Владыка, — чтобы изгнать мирской дух из нашего церковного пения, обратиться к древним его прекрасным образцам, столь любезным сердцу верующего и молящегося православного христианина»⁵⁸.

Как видим, между Святейшим Патриархом Алексием и Московскими Духовными школами в такие дни и вечера весьма наглядно проявлялось самое тесное общение. Питомцы возрожденных Духовных школ с благоговением взирали на Предстоятеля нашей Церкви как на носителя русской православной церковности, строгого блюстителя древних богослужебных традиций, истинного доброго пастыря, учителя веры и благочестия. «Все это глубоко внедряется в восприимчивые души учащихся, воспитывает в них добрых пастырей. В летописях Академии достаточно материала, свидетельствующего о высоком служении многих питомцев Академии и Семинарии, в которых, без сомнения, горит священный огонь, возжженный Святейшим в один из этих вечеров»⁵⁹.

В статье, посвященной 50-летию архиерейского служения Святейшего Патриарха Алексия, один из бывших питомцев, а впоследствии доцент Академии так свидетельствовал об исключительной близости Предстоятеля Русской Церкви к Московским Духовным школам: «Особенно трогательна любовь Святейшего Патриарха Алексия к воспитанникам и студентам Духовных школ. Это поистине нежная любовь матери к своим детям. Пишущий эти строки сам был очевидцем, как Святейший при посещении Московских Духовных школ беседовал отечески, любовно, просто, непринужденно с учащимися. Его внимательность и забота при этом доходят до мельчайших предметов... А когда он присутствует на лекциях или экзаменах (что очень часто бывает), то у воспитанников и студентов настоящая пасха на душе»⁶⁰.

Отзывчивости, вниманию, любви Патриарха Алексия к ним, кажется, не было предела. Вот пример. Собираясь в родной школе на юбилей своих выпускников, бывшие питомцы Академии и Семинарии в порыве благодарных чувств посылали Святейшему Владыке телеграммы, преисполненные этих горячих чувств, и Предстоятель Русской Церкви, несмотря на всю свою занятость, с исключительной простотой и человечностью, тепло и отечески отзывался на подобные обращения юбиляров, вдохновляя и благословляя их на дальнейшее ревностное пастырское служение. Для иллюстрации приведем ответ Его Святейшества на приветственную телеграмму выпускников Семинарии 1959 года, съехавшихся в 1969 году по поводу 10-летия окончания ими Духовной школы: «Загорск, Московской, Лавра, ректору Академии и Семинарии епископу Филарету. Прошу передать мою благодарность за молитвенную память игумену Евло-

гию и его собратии по окончании Семинарии тринадцатого выпуска. Да пребывает Божие благословение в их усердном служении Церкви Божией. Патриарх Алексий».

Насколько участлив и отчески внимателен был Святейший Владыка к судьбе всякого питомца Семинарии и Академии, с которым доводилось ему встречаться, можно заключить из слов выпускника Московских Духовных школ протоиерея Иоанна Сорокина (ныне преподавателя Одесской Духовной Семинарии): «Святейший Патриарх Алексий был в высшей степени интеллигентный человек и благородный в обращении с окружающими его людьми, как мне пришлось неоднократно испытать это самому при кратких личных общениях с ним... Святейший Патриарх Алексий расспрашивал меня о моих родных, о месте их жительства, о моих успехах в учебе в Богословском Институте, о преподавателях и воспитателях»⁶¹.

Нет сомнения, что каждый из воспитанников и студентов богословской школы, духовно взращенный заботами Святейшего Патриарха, сохранил в своем благодарном сердце искру его лучезарной отеческой любви.

Академический храм

Одной из важных забот Святейшего Патриарха Алексия, неусыпно пекшегося о насущных нуждах возрожденных Духовных школ Москвы, было предоставление им храма как необходимого и очень важного в воспитательно-практических целях училища благочестия. Благодаря содействию Его Святейшества, когда Духовные школы были возвращены в Троице-Сергиеву Лавру, в 1955 г. произошло священное событие — возобновление академической церкви в честь Покрова Божией Матери. 21 мая Святейший Патриарх Алексий прибыл в Академию, чтобы совершить чин освящения храма.

Это было умирительное торжество. Перед началом чинопоследования все академическое духовенство во главе с ректором протоиереем Константином Ружицким крестным ходом с пением пасхальных песнопений направилось к древнему Троицкому собору. У южных дверей храма это шествие было встречено монастырским духовенством, возглавляемым наместником Лавры архимандритом Пименом (ныне здравствующий Святейший Патриарх), который передал протоиерею Константину Ружицкому частицу святых мощей первомученика и архидиакона Стефана для вложения ее в престол освящаемого академического храма. Затем «крестный ход направился обратно в Академию вместе с лаврским духовенством и наместником Лавры, который нес на своих руках образ Преподобного Сергия. В одной из прилегающих к храму аудиторий Святейший Патриарх, облаченный в священные одежды, встретил святые мощи, затем все направилось в храм, и начался чин его освящения»⁶².

Вслед за тем была совершена Божественная литургия, после которой Святейший Патриарх Алексий произнес слово, посвященное храмовому торжеству Академии. В последние годы он возглавлял богослужения в престольные праздники академической церкви, всячески содействовал благоукрашению ее, в периоды ремонта и росписи храмовых стен постоянно интересовался ходом работ.

Церковноархеологический кабинет

Идя навстречу учебно-просветительным запросам Академии, Святейший Патриарх Алексий благословил в 1951 г. открыть при ней Церковноархеологический кабинет. Просматривая материалы ЦАК за первое двадцатилетие его существования, любой исследователь убедится, что кабинет, ставший неотъемлемой частью всей Академии, своим устройством и дальнейшим развитием целиком обязан Первосвятителю Русской Церкви. За все время существования кабинета-музея Святейший Патриарх Алексий являлся самым щедрым и постоянным его жертвователем. Основную, притом лучшую и ценнейшую часть экспонатов с самого начала кабинета составляют дары Его Святейшества. Перечислим из них те, которые представляют собой наиболее редкие святыни и высокохудожественные предметы искусства и старины: древнейшие иконы святого Георгия Победоносца, Святителя Николая с Житием, Святителя Алексия; картины-подлинники «Исцеление слепорожденного» В. И. Сурикова, эскиз В. М. Васнецова «Богоматерь с Младенцем», барельеф глава страждущего Христа работы М. М. Антокольского.

Бывший много лет заведующим ЦАК профессор протоиерей Алексей Остапов так свидетельствовал о заботах и отношении Святейшего Владыки к этому академическому древлехранилищу: «Внимание к кабинету, исключительная щедрость Его Святейшества были могучими силами, движущими жизнь и деятельность ЦАК... Неизмен-

но, бывая в Академии, Его Святейшество посещал залы кабинета и с живым интересом осматривал экспозицию и выставки, давал оценку и советы, задавая вопросы о том или ином экспонате, радуясь всему новому и полезному.

— При мне такого кабинета в Академии не было! — нередко говорил Святейший. Или:

— Откуда у вас столько интересных вещей?

А на каждом метре экспозиции и все лучшее и наиболее ценное — личные дары Его Святейшества. За эти годы все доклады Совету Академии заведующего кабинетом о новых поступлениях начинались именем Его Святейшества... По предложению Святейшего Патриарха было разработано «Положение» о кабинете.

..Кабинет сегодня — это один из многих прекрасных памятников Святейшему Патриарху Алексию»⁶³.

Сектор заочного обучения

Нельзя не упомянуть еще об одном участке обширного поля деятельности Академии и Семинарии, который стал функционировать по благословению Святейшего Патриарха Алексия. Речь идет об открытии в 1964 г. Сектора заочного обучения для приходского духовенства, чем разрешалась проблема духовного образования огромного контингента священнослужителей без отрыва их от пастырской деятельности.

21 января состоялось официальное открытие 1-й зачетной сессии, по поводу чего было получено сердечное приветствие от Его Святейшества: «Божие благословение на труды учащихся и учащихся Сектора заочного обучения Московской Духовной Академии и Семинарии. Отраднo, что священнослужители наши, несущие трудное пастырское служение, имеют стремление повысить свои богословские знания. Надеюсь, что в Академии и Семинарии они восполнят свои знания и в святой Лавре Преподобного Сергия у ее великих святых воспримут то духовное настроение, которое так необходимо для пастыря Церкви Христовой. Патриарх Алексей»⁶⁴.

Святейший Владыка находил время для встречи с отдельными группами учащихся-заочников и беседы с ними, как это было, например, в 1966 г. в патриарших покоех Лавры.

Из года в год заочный Сектор увеличивался за счет расширения курсов и классов, и в 1969/70 учебном году весь состав учащихся насчитывал уже более 350 человек.

Библиотека

Не обойдена была патриаршим вниманием академическая библиотека, об обогащении которой Святейший Владыка постоянно заботился, будучи щедрым и частым вкладчиком в ее книгохранилища. Так, в 1950 г. им было пожертвовано в фонд библиотеки 385 томов, что явилось, по докладу библиотекаря А. В. Ушкова, ценным вкладом в нее⁶⁵. А в 1954 г. Святейший Патриарх возбудил ходатайство о передаче имеющихся в ведении Ярославского педагогического института 4514 книг (богословских), ранее принадлежавших Ярославской Духовной Семинарии. Ходатайство было успешным⁶⁶. К 1970 г. общий фонд академической библиотеки составил 118 тысяч книг. Одно из помещений библиотечного корпуса было оформлено в качестве читального зала, что создавало удобные условия для самостоятельных занятий учащихся.

Хозяйственная часть

Хозяйственной стороне жизни Духовных школ также постоянно уделялось первосвятительское внимание, благодаря чему все насущные потребности удовлетворялись безотлагательно. Вникая в документацию хозяйственной части Академии и Семинарии, Святейший Патриарх Алексей нередко находил неточности, огрехи в сметах и ведомостях и требовал объяснений и исправлений⁶⁷. Вследствие неукоснительных отеческих забот Святейшего Владыки питомцам Духовных школ предоставлялось все необходимое для нормальной жизни и учебы. «По патриаршему указанию, — докладывал 30 ноября 1962 года высокому собранию Академии ректор протоиерей Константин Ружицкий, — Хозяйственным управлением отпускаются средства для создания прекрасных бытовых условий для учащихся, а также удовлетворения их культурных потребностей»⁶⁸.

Заключение

Трудно переоценить всеобъемлющие заслуги Святейшего Патриарха Алексия перед возрожденными его неустанными заботами Московскими Духовными школами, обозреть все труды Предстоятеля Русской Церкви, посвященные училищу богословского ведения и православного пастырства, измерить глубину и широту его отеческой любви к родной ему alma mater. Поистине Академия «У Троицы» — это патриаршая Академия, всем своим расцветом обязанная высокому попечению Предстоятеля Русской Церкви, до последних дней жизни интересовавшегося ее успехами, нуждами и запросами. «Святейший Патриарх, как мудрый кормчий Русской Православной Церкви, своими великими деяниями заполнил большую и яркую книгу 25-летней истории Русской Церкви. Московская Духовная Академия посылала воздала должное выдающейся патриаршей деятельности и избрала его своим почетным членом»⁶⁹, а в 1949 году присвоила Святейшему Патриарху Алексию высшую ученую степень доктора богословия.

Подводя итог 25-летнему высокому патриаршему окормлению Московских Духовных школ, скажем, что кардинальные предначертания, выраженные при открытии первенцев духовного просвещения Русской Православной Церкви 14 июня 1944 года, были действительно воплощены в жизнь и вполне оправдали замыслы идейного домостроителя зарождающихся богословских учебных заведений Святейшего Патриарха Сергия. Духовные школы в результате самоотверженного труда наставников под неукоснительным руководством и покровительством Святейшего Патриарха Алексия нашли свое должное русло, превратившись в источник глубоких богословских знаний и пастырского благочестия. Отказ от принципа сословности при подготовке новых священнослужителей, прием в школу кандидатов по призванию, строго церковный характер воспитания питомцев с исключением светского элемента, свойственного старым духовным заведениям, постановка академического образования в прямую зависимость от жизненных запросов пастырского служения — вот путь, на который твердо стали Духовные школы после своего возрождения.

Приводя на память известное древнее изречение летописца о заслугах в просвещении Руси князей святого Владимира и Ярослава⁷⁰, позволим себе в этой аналогии сказать, что Патриарх Сергей вспахал ниву будущего духовного рассадника, Патриарх Алексий посеял на ней семена истинного пастырства, а мы теперь пожинаем плоды деятельности этих великих делателей Христова виноградника.

Сколько пастырей воспитали и вырастили в этот достославный период патриаршества Святейшего Патриарха Алексия Московские Духовные школы! Скольких выпускников, достойных высокого звания богослова, дали они Святой Церкви! За 25 лет их существования Семинарию окончили 694 человека и Академию — 463 человека; ученой степени кандидата богословия за это время были удостоены Советом Академии 451 человек, магистра богословия — 31 человек, доктора богословия и церковной истории — 11 человек⁷¹. Более тридцати питомцев Академии стали служителями Церкви Христовой в архиерейском сане. «Великое спасибо скажет история Святейшему Патриарху Алексию за обеспечение Церкви высокообразованными архипастырями»⁷², — отмечает профессор Московской Духовной Академии И. Н. Шабатин.

Многие Поместные Православные Церкви присылали в Академию для обучения и повышения богословских знаний своих лучших сынов, наиболее способных абитуриентов собственных Духовных учебных заведений, которых благоволением Святейшего Владыки Алексия наша высшая Духовная школа всегда с любовью принимала и предоставляла им самые благоприятные условия для усвоения богословских наук. Укажем, что согласно резолюции Его Святейшества от 29 декабря 1949 г. «на I курсе Академии был зачислен действительным студентом настоятель Антиохийского подворья в Москве архимандрит (ныне митрополит) Василий (Самаха), араб. Он был первым студентом-иностранцем»⁷³.

Еще бо́льшую значимость и признание в христианском мире Академия приобрела, когда стала принимать в качестве студентов и слушателей клириков инославных исповеданий по ходатайству Предстоятелей их Церквей и по благословению Святейшего Патриарха Алексия. Отметим, что начиная с 1952 года несколько священнослужителей Армянской Апостольской Церкви прослушали академический курс, некоторые из них ныне занимают важные посты в своей Церкви. Не случайно сам Святейший Патриарх Алексий отмечал: «И теперь, как и прежде, Академия наша своими трудами привлекает внимание духовных кругов, можно сказать, всего мира»⁷⁴.

Таким образом, всемерные отеческие заботы Святейшего Владыки проявились буквально во всех сферах жизни и деятельности Московских Духовных школ, «в сущ-

ности они являются живыми летописями и иллюстрациями тех высоких мероприятий по духовному просвещению пастырей Русской Православной Церкви, каковы были предприняты Его Святешеством»⁷⁵ за двадцать пять лет их существования.

Поколение за поколением питомцы Московских Духовных Академии и Семинарии проходили здесь курс богословских наук, вбирая в себя благотворные, живительные токи этого глубокого и чистого духовного кладезя. Проходили, чтобы затем всё новой и новой волной вливаться в необозримый сонм служителей Христовых, служителей Святой Русской Православной Церкви, чтобы сменить на ниве Господней потрудившееся до полной отдачи сил старое поколение пастырей, чтобы жизнью и беззаветным служением Богу свидетельствовать пред всем миром о вечной Истине Православия, о братстве и христианской любви друг к другу, чтобы честным исполнением своего гражданского долга являть полную преданность родному Отечеству, ибо этому всегда учил словом и делом их мудрый и маститый кормчий — Святейший Патриарх Алексий.

Можно с уверенностью сказать, что такого значения и авторитета Московская Духовная Академия до периода патриаршества Святейшего Патриарха Алексия не имела за весь почти 300-летний минувший период ее истории со времени ее основания в 1685 году.

Прекрасно, точно и глубокомысленно выразил в адрес Первосвятителя чувства всеобщего признания его исключительных заслуг митрополит Ленинградский и Ладожский Пимен, а ныне его достойный преемник — Патриарх Московский и всея Руси: «Вы, Ваше Святешество, — отмечал тогда Высокопреосвященный митрополит Пимен в обращении к Патриарху-юбилею от имени Священного Синода, — представляете собою целую церковную эпоху! Вы возрастали и воспитали целое поколение деятелей Русской Православной Церкви, для которых Вы являетесь и академией, и нравственным богословием, и образом «непорочного устроителя дома Божия» — Церкви, и примером благочестия и нравственной красоты»⁷⁶.

После кончины Святейшего Патриарха Алексия Священный Синод Русской Православной Церкви на заседании 6 мая 1970 года под председательством Местоблюстителя патриаршего престола Митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена принял постановление о создании Музея Святейшего Патриарха Алексия, а также об установлении в Московской Духовной Академии по три стипендии имени почившего Первосвятителя для особо отличившихся студентов⁷⁷. 21 мая 1971 года посещением созданного Музея Патриаршим Местоблюстителем Митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом была открыта первая страница существования этого дорогого для Московских Духовных школ и для всей Русской Церкви мемориала в память о почившем в Бозе Святейшем Патриархе Алексии, имя которого золотыми буквами вписано на скрижали истории Московских Духовных школ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Григорий, архиепископ. Учреждение духовно-учебных заведений. — ЖМП, 1943, № 3, с. 22.

² Архив Московской Духовной Академии (далее: АМДА). Журнал № 3 общего собрания Советов Православно-богословского Института и Православно-пастырских курсов от 15 июня 1944 года.

³ Обладая богатейшим опытом духовно-просветительной деятельности, глубоко зная периоды русского пастырства в современных условиях, особенно в условиях военного времени, когда нехватка в пастырских кадрах стала остро ощутимой, Святейший Патриарх Сергей подошел к назревшей проблеме очень продуманно, с позиции решительной перестройки прежней системы духовного образования, которую подвергал трезвой оценке еще задолго до этого, именно в 1906 году, будучи архиепископом Финляндским. Тенденция тогдашних Духовных учебных заведений к преобладанию в них учено-образовательного направления над духовно-воспитательной задачей не могла оставаться равнодушным этого выдающегося иерарха нашей Церкви. «Говорят, — писал он тогда, — что Академия своей задачей имеет не непременно воспитание пастырей Церкви, но, главным образом, и распространение богословского образования вообще. Здесь уже довольно ясно проскальзывает основная тенденция возражений. Нельзя представлять себе богословского, христианского учения, церковного Православия какой-то безразличной теорией, не налагающей на человека никаких обязанностей, которую можно было бы изучать с таким же внешним интересом, как изучается, например, талмуд и коран христианскими учеными. По настроению чуждый христианству, Православию человек будет плохим исследователем православного учения и во всяком

случае не проявит никакого творчества в своих богословских исследованиях. Какой тогда был бы смысл в существовании Духовной школы, если бы она не проявляла истинного творчества в богословии, в то же время свысока отстраняла бы от себя и пастырско-воспитательную свою задачу?» (Патриарх Сергий и его духовное наследство. Изд. Московской Патриархии, 1947, с. 384).

⁴ *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. Слова и речи, послания...* (1941—1948). т. I, М., 1948, с. 163—164.

⁵ Там же.

⁶ АМДА. Журнал заседания Ученого Совета Академии и Семинарии (далее — ЖЗУС) № 20 от 10.V.1949, с. 6.

⁷ Там же, ЖЗУС, № 4, 6.IX.1944.

⁸ Там же, Журнал № 3 общего собрания Советов Православно-богословского Института и Православно-пастырских курсов от 15 июня 1944 г.

⁹ ЖМП, 1945, № 11, с. 23.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, 1946, № 7, с. 6.

¹² Там же.

¹³ Там же, № 10, с. 5.

¹⁴ АМДА. Отдельные журналы заседаний Совета... распоряжения, выписки, указы, докладные записки по учебной части за 1944—1947 гг., с. 97.

¹⁵ ЖМП, 1947, № 3, с. 21.

¹⁶ Там же, 1946, № 7, с. 6.

¹⁷ АМДА. Отдельные журналы заседаний Совета... распоряжения, выписки, указы, докладные записки по учебной части за 1944—1947 гг., с. 97.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, ЖЗУС № 2 от 5.XI.1954.

²⁰ Там же, ЖЗУС № 3 от 22.X.1964. Приложение, с. 57—58.

²¹ *Шабатин И. Н., проф.* Святейший Патриарх Алексий и духовная школа. — В сб. статей, посвященных 50-летию архиерейского служения Святейшего Патриарха Алексия. Машинопись. 1963—1964 гг., с. 243.

²² АМДА. ЖЗУС № 3 от 26.IX.1949.

²³ Там же, № 1 от 7.IX.1953, с. 2.

²⁴ *Шабатин И. Н., проф.* Указ. соч., с. 243.

²⁵ АМДА, ЖЗУС № 3 от 24.X.1947, п. 1.

²⁶ ЖМП, 1947, № 7, с. 28.

²⁷ АМДА. ЖЗУС № 2 от 2.XI.1955, с. 12.

²⁸ *Филарет (Вахромеев), епископ.* Московские духовные школы под руководством Святейшего Патриарха Алексия. — АМДА. ЖЗУС № 5 от 2.II.1970. Приложение, с. 8—9.

²⁹ АМДА. ЖЗУС № 8 от 9.IV. 1952.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, № 16 от 31.XII.1946.

³² Там же, № 3 от 22.X.1964, с. 14—15.

³³ Там же, № 8 от 18.VI.1956.

³⁴ Там же, № 10 от 12.VI.1969. Приложение, с. 120.

³⁵ Там же, № 3 от 27.X.1948.

³⁶ См. Архив ЦАК. Письмо от 18.X.1959.

³⁷ АМДА. ЖЗУС № 24 от 24.VIII.1948, с. 132.

³⁸ Там же, № 7 от 13.II.1951, с. 86.

³⁹ Там же, № 8 от 20.V.1966.

⁴⁰ *Остапов А., проф. прот.* Соч., т. IV Из жизни Московских духовных школ. Машинопись, с. 53—54.

⁴¹ Так, например, осенью 1968 г. Святейший Владыка с интересом прочел кандидатскую работу диакона В. С-ва, при встрече с ним отметил ее достоинства и подтвердил ее отличную оценку, сказав: «Я тоже ставлю пять!».

⁴² АМДА. ЖЗУС № 6 от 19.III.1969. Приложение, с. 13.

⁴³ *Шабатин И. Н., проф.* Указ. соч., с. 243.

⁴⁴ АМДА. ЖЗУС № 10 от 11.VI. 1962.

⁴⁵ ЖМП, 1963, № 1, с. 71.

⁴⁶ АМДА. Годовой отчет о состоянии Академии и Семинарии в 1953/54 гг., с. 187.

⁴⁷ АМДА. ЖЗУС № 5 от 30.XII.1963.

⁴⁸ Там же, № 12 от 16.II.1949.

⁴⁹ Там же, № 5 от 7.XII.1948, с. 87.

- ⁵⁰ Там же, № 6 от 19.III.1969. Приложение, с. 52.
- ⁵¹ Там же, № 3 от 24.XII.1954.
- ⁵² АМДА. Отчет 1956/57 уч. г., с. 201.
- ⁵³ ЖМП, 1964, № 12, с. 6—7.
- ⁵⁴ АМДА. ЖЗУС № 3 от 22.X.1964. Приложение, с. 68.
- ⁵⁵ АМДА. Отчет за 1953/54 уч. г., с. 187.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Остапов А., проф. прот.* Указ. соч., с. 154.
- ⁵⁸ ЖМП, 1948, № 5, с. 8.
- ⁵⁹ АМДА. Отчет за 1952/53 уч. г., с. 3.
- ⁶⁰ *Тихон, архим., доцент.* Пастырь добрый. — В сб. статей, посвященных 50-летию архиерейского служения Патриарха Алексия, с. 155.
- ⁶¹ См.: *Сергий (Петров), митрополит.* Памяти пребывания Святейшего Патриарха Алексия в Одессе. 1977, с. 233—234.
- ⁶² *Васильев А.* Радостное событие. — ЖМП, 1955, № 8, с. 17.
- ⁶³ *Остапов А. Д., прот.* Соч., т. 15. К 20-летию Церковноархеологического кабинета. Машинопись, с. 9—11.
- ⁶⁴ АМДА. ЖЗУС № 6 от 7.II.1964, с. 15.
- ⁶⁵ Там же, № 9 от 8.VI.1950.
- ⁶⁶ Там же, № 8 от 17.VI.1954.
- ⁶⁷ Там же, № 10 от 20.I.1948.
- ⁶⁸ ЖМП, 1963, № 1, с. 72.
- ⁶⁹ АМДА. ЖЗУС № 5 от 2.II.1970. Приложение. *Филарет, епископ, ректор.* Московские духовные школы под руководством Святейшего Патриарха Алексия (доклад), с. 15.
- ⁷⁰ «Владимир распахал и умягчил сердца людей, просветивши их крещением, Ярослав насылал их книжными словами, а мы теперь пожинаем, принимая книжное учение». (Цит. по: *П. Знаменский.* Руководство к Русской церковной истории. Казань, 1876, с. 52).
- ⁷¹ АМДА. ЖЗУС № 11 от 18.VI.1969. Приложение, с. 18.
- ⁷² Там же, № 5 от 2.II.1970. Приложение. *И. Шабатин, проф.* 25 лет первосвященства Святейшего Патриарха Алексия, с. 57.
- ⁷³ *Комаров К. М., доцент.* Жизнь Московской Духовной Академии с 1948 по 1955 г. — В сб. статей, посвященных 150-летию МДА. 1964. Машинопись, с. 206.
- ⁷⁴ ЖМП, 1965, № 11, с. 10.
- ⁷⁵ АМДА. Отчет за 1952/53 уч. г., с. 3.
- ⁷⁶ ЖМП, 1963, № 6, с. 13.
- ⁷⁷ АМДА. ЖЗУС № 9 от 8.VI.1950.